

Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики. Сборник статей, Ижевск 1983 (Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР). 124 с.

В последнее время большое внимание уделяется вопросам удмуртской диалектологии и ономастики. Выпущен ряд сборников и монографий, в которых отражены различные фонетические, грамматические и лексические диалектные особенности, приводятся диалектные тексты (песни, сказки, бытовые рассказы и т. д.), собранные в некоторых регионах проживания удмуртов. Диалектные слова и материалы по ономастике отражены также в «Кратком удмуртско-русском и русско-удмуртском биологическом словаре» (Ижевск 1978) и новом «Удмуртско-русском словаре» (Москва 1983).

Новый сборник «Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики. Сборник статей» является продолжением публикаций по вопросам диалектологии и ономастики удмуртского языка. Он открывается статьей В. М. Вахрушева «Диалектизмы в произведениях Т. К. Перевощикова» (с. 5—35), посвященной выявлению диалектизмов в романе-трилогии Г. К. Перевощикова «Йыбыртты музьемлы». Автор подчеркивает необходимость четкой дифференциации понятий, выраженных терминами диалектизмы художественного произведения и диалектизмы литературного языка. В статье приводятся многочисленные фонетические диалектизмы: *аль* (лит. *али*) 'сейчас, теперь', *вэгнаны* (лит. *веднаны*) 'колдовать, заколдовать; пустить (напустить) порчу', *нэ* (лит. *ганэ*) 'только', *сэре/сэбре* (лит. *собере*) 'потом, затем', *тосьтыд* (лит. *тынсьтыд*) 'от тебя', *чугын* (лит. *чугун*) 'чугун' и др. Богат роман и лексическими диалектизмами: *ашанай*: *бакча ашанай* (лит. *бакча суред*) 'пугало огородное', *валлэ/вазьвыл* (лит. *азьло, азьвыл*) 'раньше, прежде' *каль* (лит. *али*) 'сейчас, теперь', *кутяк* (лит. *быдэсак, ваньзэ*) 'совсем, полностью; начисто; наповал' и т. д. Однако была бы желательна более четкая дифференциация данной группы, так как в некоторых случаях слова литературного языка включаются в разряд диалектизмов: *мадьыты* 'рассказать, рассказывать', *мудон* 'окучивание' и т. д. В «Удмуртско-русском словаре» за 1983 год (с. 272, 286) они не от-

несены к диалектизмам. Правильно отмечается, что лексика срединных говоров изобилует дореволюционными русскими заимствованиями без изменения формы слова или в удмуртской адаптации: *виёрс* (*иськем*) 'верста', *шырмач* 'мелкий вор' и т. д. Приводятся и словообразовательные диалектизмы: *вёсиняк* 'с болью, больненько' (от *вось* 'боль, больно'), *шушань* 'уродина, образина; урод' (от *шуш* 'некрасивый, безобразный, урод'), *зёчкос* 'порядочный' (от *зёч* 'хороший, пригожий') и т. д.

В статье Б. Ш. Загуляевой «Некоторые лексические особенности прикильмезских говоров» (с. 36—49) рассматриваются слова, относящиеся к терминам родства, охоты и рыболовства, земледелия, пчеловодства, ткачества и некоторые другие. Она отмечает, что основу говоров Прикильмезья составляют слова, характерные и для других диалектов удмуртского языка. Только сравнительно небольшая часть лексики относится исключительно к этим говорам. Основу лексико-семантических групп составляют общешинно-угорско-пермские и общеудмуртские слова. В этом отношении очень интересны по своему происхождению следующие выявленные автором слова: *куба* (лит. *анайзы*) 'свекровь', *пыттабан* (лит. *пыдтаба*) 'ступня', *чикпунны* (лит. *пуньылы*) 'лопатка (анат.)', *эр выжы* (лит. *едьнь, макес выжы*) 'пах', *вараи, варайы* (лит. *варматай*) 'тесть', *аймурт* (лит. *аймурт*) 'свекор', *ичимень* (лит. *покчи кен*) 'жена младшего брата отца', *вочы, тэльвити* (лит. *луд чёж*) 'дикая утка', *визон буры* (лит. *визнан гуры, визнан йыл, визнан курик йыл*) 'жало крючка', *бакрур* (лит. *ёрш*) 'ерш', *кушtos* (лит. *буш кылем музьем*) 'запущенная, невозделанная в течение нескольких лет земля (заlež)', *пыжулtos* (лит. *кыд, сэсло*) 'высевки, отсевки', *бугыли* (лит. *киль, макня, бубыли*) 'полова', *чэчэ* (лит. *чечы*) 'мед', *бёмыр* (лит. *ву кузя будйсь куак*) 'кустарник, растущий вдоль рек'.

Статья В. К. Кельмакова «Фонетиче-

ское варьирование слов в удмуртском языке I. Варьирование гласных непервых слогов» (с. 50—61) посвящена анализу варьирования посессивного суффикса $-(\dot{y})o \sim -(\dot{y})a$ и конечного гласного основы $-ы (\sim -\phi)$. Посессивный суффикс в удмуртском литературном языке и диалектах имеет, как правило, огласовку на o и выступает в вариантах на $-o$ и $\dot{y}o$: *куаро* 'лиственный', *сяськаё* 'цветастый' и т. д. Однако в письменной литературе зафиксирован уникальный случай варьирования этого суффикса $-(\dot{y})o \sim -(\dot{y})a$ в слове *жыныё~жыныя* 'половинчатый, наполовину': *Критик шонер вера, только жыныя гинэ...* (Ф. Пукроков, Редакция гоштэт. — Молот 1973, № 12, с. 47) 'Критик прав, однако лишь наполовину'. Автор выясняет причину этого явления. Варьирование $-ы \sim -\phi$ в удмуртском литературном языке происходит в пяти непроизводных основах: *жуйы ~ жуй* 'мох', *пöзыы ~ пöзь* 'рукавицы, варежки', *шашы ~ шаш* 'осока', *зозы ~ зоз* 'кузнецик, кобылка', *вугы ~ вуг* 'скобка, скоба (двери), дужка (ведра)'. Оно имеет глубокие исторические корни и, по мнению автора, объяснимо неравномерностью в развитии фонетической системы разных диалектов и лексикализованным характером рассматриваемого фонетического процесса (с. 59). При раскрытии данной проблемы использованы примеры из художественной литературы.

В сравнительно небольшой статье В. М. Маркова «О сопоставительном изучении микологической номенклатуры» рассматриваются некоторые принципы номинации грибов (с. 62—64). На основе сопоставительного анализа названий грибов автор заключает, что необходимо составление двуязычного микологического словаря определенной территории, который вместил бы показания говоров русского и удмуртского языков (с. 64). И действительно, многие микологические термины русского и удмуртского языков однотипны по своему образованию: *белый гриб* — *тöдыы губи* 'белый гриб', *рыжик* — *горö губи* 'красный гриб', *масленок* — *вöё губи* 'с маслом гриб, маслянистый гриб', *боровой рыжик* — *яггуби* 'боровой гриб' (или *пужымгуби* 'сосновый гриб') и т. д.

Выявлению и описанию исторических пластов антропонимической системы за-

камских удмуртов посвящена статья М. Г. Атаманова «Личные имена закамских удмуртов» (с. 65—89). В результате изучения личных имен жителей некоторых населенных пунктов, их этимологического анализа автор приходит к выводу, что закамская группа удмуртов из-за многовекового совместного проживания с тюркскими народами Приуралья испытала их значительное влияние в материальной и духовной культуре, в том числе и в антропонимии (с. 84). Он отмечает, что современный именной удмуртов Закамья состоит в основном из русских и заимствованных через русское посредство из западноевропейских языков антропонимов и что тюркские имена ныне среди закамских удмуртов не популярны. М. Г. Атаманов представил большой архивный материал, до сих пор никем не затронутый.

Л. В. Вахрушева в статье «Удмуртский топонимический пласт бассейна Ижа» (с. 90—100) этимологизирует некоторые группы топонимов Приижья собственно финно-угорского происхождения. В результате лексико-семантического анализа топонимов данного региона она выделяет следующие группы: 1) топонимы, в основе которых лежит один из признаков географической реалии: *Бордиур* (*борд* 'стена' + *шур* 'река'), *Кыква* (*кык* 'два' + *ва* 'вода') и т. д., 2) топонимы, указывающие на особенности местности, размер объекта, величину, форму: *Мурнюк* (*мур* 'глубокий' + *нюк* 'овраг'), *Паськыт нюр* (*паськыт* 'широкий' + *нюр* 'болото') и др., 3) топонимы, указывающие на растительный и животный мир: *Зеглуд* (*зег* 'рожь' + *луд* 'поле'), *Ягул* (*яг* 'сосновый бор' + *ул* 'низина') и т. п., 4) топонимы, указывающие на местонахождение объекта: *Выль Шудья* (*выль* 'новый' + *Шудья* (воршудное имя)), *Шорвыр* (*шор* 'середина, средний' + *выр* 'возвышенность') и т. д. Кроме того, автор выделяет вторую группу топонимов, отражающих деятельность человека (с. 99): *Тыло вöсяськон* (*тыло* 'роща' + *вöсяськон* 'моление'), *Бигер пал* (лес) (*бигер* 'татарин' + *пал* 'сторона'), *Кекоран* (*ке* (<кö) 'жернов' + *коран* 'рубка, сечка (жернова)'), *Анна вöзь* (*Анна* + *вöзь* 'луг') и другие.

Л. Е. Зверева в статьях «Удмуртские топонимические материалы дооктябрь-

ского периода» (с. 101—109) и «О четырех терминах в удмуртской микротопонимии» (с. 110—116) знакомит читателей с топонимической литературой дооктябрьского периода и конкретно исследует следующие географические термины: *ошмес* 'ключ, родник, источник', *калым* 'залив в реке или озере', *магазэй* ~ *магазэй* 'общественный хлебный амбар, склад' и *валэс*, *вёлы* 'расчищенный из-под леса под пашню или под покос участок земли; подсека в лесу; делянка'. При этимологическом анализе используются данные финно-угорских языков и диалектов удмуртского языка. В конце первой статьи автор правильно отмечает, что в период с XVI века до Октябрьской революции было собрано значительное количество топонимов, некоторые из них этимоло-

логизированы, хотя специальных топонимических работ еще не было (с. 108). Во второй статье автор тоже нацеливает на изучение удмуртской микротопонимии, которое поможет выявить новые термины и ареалы их распространения.

Сборник заканчивается библиографической справкой по удмуртскому языковедению за 1977—1982 гг.

Рецензируемое издание представляет большой интерес не только для языковедов-финно-угроведов, но и для историков, этнографов, географов и т. д. Нужно отметить, что сборник значительно выиграл бы, не будь в нем разнобоя в сокращениях, ошибок технического характера, а также если бы он был снабжен общим указателем диалектных слов, географических терминов, микротопонимов.

А. А. АЛАШЕЕВА, Г. А. АРХИПОВ
(Ижевск)

Г. А. Ушаков, *Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков*, Ижевск 1982. 144 с.

Рецензируемое учебное пособие для студентов, преподавателей русского и удмуртского языков школ и вузов написано на высоком методическом и научном уровне. Автор отводит сопоставительной грамматике роль теоретической основы методики обучения второму языку (в данном случае — методике преподавания русского языка в удмуртской школе). Основную задачу сопоставительной грамматики он видит в выявлении сходжений и расхождений в грамматическом строе современного русского и удмуртского языков.

Следует особо отметить лаконичность и четкость изложения материала Г. А. Ушаковым, благодаря чему удалось на небольшой площади (всего лишь 144 с. малого формата) разместить материал по сопоставительной лексике, фонетике, графике, орфографии и морфологии русского и удмуртского языков.

В разделах «Развитие лексики», «Лексикография» отмечаются этапы изучения словарного состава удмуртского языка, подчеркивается роль зарубежных и отечественных исследователей удмуртских

диалектов, составителей лексикографических пособий: переводных, толковых, фразеологических, отраслевых.

К разделу «Развитие лексики» тесно примыкает глава о неологизмах и архаизмах, где дается четкое определение историзмам, устарелым и новым словам, приводятся яркие примеры на эти разряды лексики из удмуртского и русского языков.

В пособии даны парадигмы склонения существительных и местоимений, спряжения глаголов удмуртского языка, однако автор не злоупотребляет таблицами словоизменения; они не утомляют читателя, но наглядно иллюстрируют особенности удмуртского языка, отличающие его от русского.

К отдельным недочетам, имеющимся в учебном пособии Г. Ушакова, нужно отнести то, что в книге допущена некоторая непропорциональность в расположении материала. Лексике сопоставляемых языков отведено лишь восемь страниц. Автор рассматривает здесь лишь синонимы, омонимы и антонимы, и то скороговоркой. Достаточно сказать, что анто-